Н. Д. ГУСАРОВА

ФУНКЦИИ ИМЕННОГО ПОВТОРА В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ

Лексические повторы нельзя назвать малоизученным аспектом фольклорного языка. К числу наиболее исследованных относятся такие фигуры, как *эпанод* (*путь-дорога*), *парегменон* (*думу думать*), повторение предлога, синтаксический параллелизм. Между тем репертуар повторов при внимательном рассмотрении оказывается еще более широким, чем принято считать, и включает в себя некоторые конструкции, типичные для былинного стиля, но в традиционных классификациях отсутствующие. Пример тому — различные редупликации имени с изменением падежа.

Классическая риторика называет несколько видов таких фигур, разнящихся своей ролью в контексте: *эпимона, полиптотон* и *дистинкция*[1]. Отличия их друг от друга мы попытаемся показать, применив понятийный аппарат современной лингвистической семантики.

Как известно, слово в речи является единством трех сущностей: 1) имени (номинативного знака с его внешней стороны); 2) сигнификата (внутреннего содержания, представленного совокупностью значений); 3) референта (конкретного объекта действительности, обозначаемого именем)[2]. С этой точки зрения *эпимона* представляет собой случай повтора с совпадением всех трех сторон: «И сразилися *копьями муржавецкими, Муржавецкие копья* присогнулися» (Был., с. 125). Как правило, сфера действия такого повтора — сложное предложение или сверхфразовое единство, где он выступает в качестве способа семантической, синтаксической и стилистической организации, как элемент строевой и одновременно экспрессивный. Именно данный повтор существительного с изменением падежа наиболее характерен для стихотворных фольклорных текстов.

Другой разновидностью геминации будет такая, когда воспроизводимые единицы характеризуются совпадением имен

---

[1] Античные теории языка и стиля/Под общей редакцией О. М. Фрейденберг.— М.— Л.: Соцэкгиз, 1936; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— М.: Советская энциклопедия, 1966.

[2] Попович М. М. О природе номинативных повторов.— В кн.: Русское языкознание. Респ. междувед. научный сборник, вып. 6. Киев, 1983, с. 67.

и сигнификатов и несовпадением референтов, т. е. одна и та же лексическая единица применяется для обозначения референтов одного и того же денотативного класса: «А' ще *день* за *день* как быдто дождь дождит, Да й *неделя за неделей* как река бежит» (Гильф. № 80). За данным видом разнопадежной именной геминации закрепилось название *полиптотон*. Иногда встречается и более широкое толкование термина, когда им обозначают любое сочетание этимологически родственных слов[3].

Полиптотон — фигура широко распространенная в языке многих жанров фольклора. Причем, как это можно часто наблюдать на примере других языковых явлений, в системе каждого жанра повтор оборачивается разными конструктивными сторонами.

Имея в виду, что более подробное описание функций полиптотона будет темой специального исследования, укажем лишь на некоторые из них. Как средство формальной организации и вместе с тем эффективный способ образного обобщения выступает этот повтор в пословице: «Едет *беда на беде, беду бедой* погоняет» или «*Алмаз алмазом* гранится, *плут плутом* губится». В загадке данная стилистическая фигура может выполнять функции «собственно загадочного» компонента. В русских заговорах полиптотные сочетания составляют «ритуально-магические формулы, восходящие к индоевропейскому «поэтическому» языку»[4]. В былине они являются формально-смысловыми скрепами многих общих мест (см. приведенную выше цитату).

Более сложные смысловые связи между повторяющимися лексическими единицами возникают в *дистинкции* — неоднократном воспроизведении многозначного имени («У кого в *жизни* нет ничего милее *жизни*, тот не в силах вести достойную *жизнь*»). Здесь полностью совпадают лишь имена, и при несовпадении референтов значения вступают в отношения включения или пересечения. Следует заметить, что дистинкция, пример словесной игры,— свидетельство изысканности стиля. В языке эпоса, где действуют законы особой регламентации отношений «знак — смысл», дистинкция не встречается.

Предметом дальнейшего рассмотрения будет *эпимона* — фигура, основанная на повторении слова с совпадением всех трех его сторон — имени, значения, денотата.

Иллюстрируя на примере былины «Добрыня и змей» действие двух противоположно направленных сил, формирующих

---

[3] Лекомцева М. И. Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале «Похвального слова Кириллу-философу» Климента Охридского).— В кн.: Структура текста. М.: Наука, 1980.

[4] Топоров В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров).— В кн.: Труды по знаковым системам, вып. 4. Тарту, 1969, с. 11.

былинный синтаксис,— параллелизма и дивергенции, С. Матхаузерова пишет: «Если момент дивергенции действует в области синтаксической, то он осуществляется на лексических повторах. Слова *матушка, Добрыня, река* повторяются несколько раз, но меняются по очереди в функции подлежащего, дополнения, определения. То, что было дополнением, становится в следующем стихе подлежащим и наоборот... Слово *Добрыня* повторяется девять раз в первых стихах, но нет и двух повторений, которые были бы одинаковы во всех отношениях, они разнятся то падежом, то синтаксической функцией или ритмической реализацией... Ритм, подхватив слово, проносит его всеми вариантами и возможностями. Волнение моря и игру волн напоминает все это медленное волнообразное движение, в котором каждое слово, получившее свой импульс вибрации, бежит вдоль, то сверкая на гребне волны, то исчезая в глубине стихии слов»[5].

Если С. Матхаузерова сравнивает художественный эффект эпимоны с картиной волнующегося моря, то Р. Якобсону этот прием напоминает средство кинематографической монтажной техники: «Каждый последующий кадр, хотя и начинается от предыдущего, имеет своей целью новый объект, старый же объект включен в новый кадр, но движется от центра фокуса к периферии»[6].

Как ни далеки эти ассоциации друг от друга, в них есть одно существенное общее: и в том и в другом случаях речь идет о характерных для определенного типа повествования способах передачи движения мысли, иначе говоря, развития темы.

Действительно, обратившись к работам, авторы которых поставили своей целью построить наиболее общую модель текстовых связей[7], мы обнаружим, что именной повтор признается многими исследователями одним из показателей тематического развертывания текста. Неоднократно появляющееся имя — это обычно репрезентант темы. В этом случае неизбежно напрашивается вопрос, не есть ли обилие повторов в былинном тексте лишь следование «природе языка». Справедливо ли говорить о таком повторе, как о явлении стиля, элементе поэтически маркированном, и не правы ли те авторы, кто, подобно

---

[5] Матхаузерова Светла. Древнерусские теории искусства слова.— — Acta Universitatis Carolinae. Philologica, Praha, 1976, с. 72.

[6] Jakobson R. The kernel of comparative slavic literature.—In: Harvard Slavic Studies, 1, Cambridge, Mass., 1953, p. 14.

[7] Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948—1975).— Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка, т. 36, 1977, № 4, с. 348—361; Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста.— Л.: Наука, 1983.

Г. Я. Солганику[8], видят здесь следствие «безыскусственности» фольклорной речи?

Можно согласиться с тем, что повтор по типу эпимоны — достояние отнюдь не только поэтической речи. Он изобилует в просторечии, в детском языке, используется в разновидностях речи организованной, письменной, например научной, где выполняет функцию смыслового уточнения. Но видеть в однотипных конструкциях художественной и строго референтивной речи и их функциональное совпадение было бы неверно.

Представляется возможным говорить о целом комплексе взаимосвязанных и детерминированных общими чертами эпической поэтики функций эпимоны в былине. Кроме *собственно номинативной* функции, следует назвать функцию *связующую, когезивную*. Как средство лексико-семантической связи эпимону можно наблюдать и в текстах, построенных по типу «цепочки» (цепное, или телескопическое построение), и в текстах со «сквозной» темой[9]. В первом случае происходит движение повторяющегося элемента из ремы (нового) в тему (данное) — функциональное изменение, обусловливающее эффект «разнопадежности»:

Как лежит тут сер-горюч *камень*
Не велик, не малый, а во сорок пуд,
А *на камне* надпись да написана.
(Был., с. 105).

Как видим, цепьевидное построение предполагает лишь двукратное воспроизведение имени: сначала в виде ремы, а затем в виде темы. Теоретически неограниченно число повторений в конструкциях со «сквозной» темой (центрических):

А выходил как Добрыня со добра *коня*,
А вел ли ен *коня* во конюшеньку,
А в стоилу ище ен лошадиною,
Ну сыпал как ен *коню* пшена билоярова,
А нес-то ен *коню* ключевой воды:
— А ешь-ка ты, добрый *конь*, пшена ты досыта.
(Был., с. 213).

Появившись в функции «нового» в первом стихе, слово *конь* затем становится сквозной темой, «данным» фрагмента, длина которого регулируется как традицией, так и мастерством певца.

Будучи семантической связкой текстового отрезка именной повтор вместе с тем является и *делимитатором*, средством формального *отъединения* каждого стиха былины от смежных ему, средством достижения *лексико-синтаксической самостоятельности былинной строки*. Особенно ярко эту функцию эпимоны де-

[8] Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика.— М.: Высшая школа, 1973.
[9] Москальская О. И. Грамматика текста.— М.: Высшая школа, 1981.

монстрируют былинные сложноподчиненные предложения, где повтор имени грамматически предельно излишен[10]:

И смотрела-то на этот на злачен *перстень,*
да *которым* она *перстнем* обручалася.
(Гильф. № 80).

Базируясь на повторе лексической основы, т. е. являясь редупликацией определенного фонетического комплекса, эпимона выступает как мощное средство ритмико-звуковой организации былинного фрагмента (о чем столь образно пишет С. Матхаузерова). Разнопадежный повтор участвует в реализации двух основных типов ритмических структур, находящихся в отношениях дополнительности: палилогии (цепьевидная тема — рематическая прогрессия) и параллелизма (конструкции со «сквозной» темой).

Нельзя также не видеть *композиционной* функции эпимоны. Она являет собой одно из языковых воплощений принципа кумулятивности в построении фольклорного сюжета (открытый Б. М. Соколовым прием «сужения образов» можно рассматривать как частное проявление общей закономерности). Былину трудно причислить к жанрам с цепьевидным построением сюжета (как кумулятивные сказки, песни, небылицы), но многие эпические фрагменты конструируются по этому принципу.

Как и любой повтор, эпимона в конечном итоге служит целям *ретардации,* «замедлению повествования, что продиктовано, с точки зрения эпической поэтики, необходимостью усилить впечатление»[11]. Воспроизведение уже упомянутого имени знаменует собой остановку (или мысленное возвращение) в процессе развертывания повествования.

Анализ функций именного повтора на фоне общих черт поэтики былины приводит к мысли о том, что перед нами факт не только грамматики, но и стилистики, а точнее, «поэтической грамматики». Эпимона, будучи, по выражению Р. Якобсона, средством выразительности, основанным на этимологической близости слов, включаясь в общую систему былинных повторов, становится средством создания «эпичности» стиля.

Принятые сокращения:

Был.— Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.

Гильф.— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. 1—3. М.— Л., 1949—1951.

[10] Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1968, т. 3, с. 264.

[11] Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора.— Петрозаводск, 1981, с. 98.